

**Владимир
ЮРИНОВ**

*г. Андреаполь
Тверской области*

СОРОК ТЫСЯЧ ШАГОВ К НЕБУ

Что обычно дарят любимым жёнам на юбилей? Колечко с красивым камушком. Золотой кулон. Норковую шубу. В крайнем случае двухнедельный тур в какой-нибудь Таиланд. Я подарил своей жене восхождение на Эльбрус.

Эльбрус – высочайшая точка Европы, жемчужина Большого Кавказского хребта. Он гордо возносит свою двойную вершину на высоту почти шесть километров (Западная вершина – 5642 м, Восточная – 5621 м), оставляя далеко позади себя все другие кавказские и альпийские горы: и франко-итальянский Монблан, и швейцарский красавец Маттерхорн, и разрекламированный в своё время одноимёнными сигаретами грузинский Казбек.

Эльбрус – в переводе с персидского «высокая гора».

Первое восхождение на высочайшую гору Европы было совершено в 1828 году в рамках экспедиции Российской академии наук под руководством начальника Кавказской укрепленной линии генерала от кавалерии Георгия Арсеньевича Эммануэля. Правда, восхождение это нельзя назвать в полном смысле успешным: из 160 членов экспедиции до Восточной вершины смог добраться лишь один

– местный проводник Киляр Хаширов.

Вторая экспедиция к двуглавному красавцу последовала лишь спустя 40 лет. Восхождение на Восточную вершину Эльбруса было совершено в 1868 году группой английских альпинистов под руководством Дугласа Фрешфилда.

Первое восхождение на более высокую Западную вершину последовало только в 1874 году. Совершено оно также группой английских альпинистов во главе с Флоренсом Гроувом.

В 1890 и 1896 годах русский военный топограф и альпинист Андрей Васильевич Пастухов в ходе научных экспедиций по картографированию Кавказа совершил восхождения на Западную и Восточную вершины Эльбруса. В честь значительно вклада А. В. Пастухова в исследование Эльбруса и Кавказа в целом его именем названа группа скал на южном склоне Эльбруса на высоте 4550-4800 метров.

Начиная с первой четверти XX века, по мере развития сопутствующей инфраструктуры и в силу удобной транспортной доступности и относительной лёгкости с альпинистской точки зрения, восхождения на вершины Эльбруса стали носить массовый характер. Так, в 1928 году на Эльбрус поднялись 32

группы советских альпинистов, в 1935 году на вершине побывало 2016 человек, а в 1960-м только в массовой альпиниаде в честь 40-летия Кабардино-Балкарии участвовали 1395 спортсменов.

Во время Великой Отечественной войны 21 августа 1942 года в ходе немецкой наступательной операции «Эдельвейс» группа альпийских стрелков из одноимённой горно-стрелковой дивизии совершила восхождение на Эльбрус и водрузила фашистские флаги на обеих его вершинах. Любопытно, что Гитлер, узнав об этом, пришёл в ярость. «Этих сумасшедших скалолазов следовало бы отдать под военный трибунал! – неистовствовал он. – В самый разгар войны они играют в свои честолюбивые игрушки, занимают этот идиотский пик, когда я приказал сосредоточить все силы на прорыве к Сухуми!..» Впрочем, кадры с водружением фашистских штандартов на высочайшей вершине Европы были растиражированы немецкой кинохроникой и облетели мир. Сталин, напротив, отчётливо понимая всю знаковую и пропагандистскую силу данного акта, приказал немедленно скинуть символы Третьего рейха с Эльбруса. Осенью и зимой 1942 года горными подразделениями Красной армии было предпринято несколько неудачных попыток восхождения на Эльбрус, но снять немецкие штандарты с вершин советским воинам удалось лишь 13 и 17 февраля 1943 года.

В последние годы благодаря относительной доступности и технической простоте восхождения покорение Эльбруса приобрело большую популярность. Стремительное развитие туриндустрии и, в частности, горного туризма привело к тому, что сейчас сразу несколько турагентств предлагают «несложное» восхождение на высочайшую вершину Европы, обещая своим клиентам массу незабываемых впечатлений, изумительный фото- и видеоряд и документальное свидетельство в красивой рамочке. При этом, дабы не сильно утомлять дорогого клиента, ему предлагается ряд послаблений, начиная от заброски его ратраком на стартовые 4700 или даже 5100 м и заканчивая банальной посадкой вертолётном прямо на вершину. Всё это зависит исключительно от пожелания клиента и толщины его кошелька. В результате количество побывавших на вершине Эльбруса за сезон ныне колеблется от полутора до трёх тысяч человек. Однако это лишь видимая часть айсберга. Количество претендентов, стремившихся к вершине и по разным причинам не достигших её, превышает приведённые цифры в несколько раз. Горы есть горы, и порой никакая техническая помощь не способна обеспечить гарантированного восхождения человека на вершину.

Разумеется, самым сильным «поражающим фактором» гор является высота. Как известно, с увеличением высоты резко падает атмосферное давление и уже на высоте 5000 м количество кислорода во вдыхаемом воздухе составляет лишь половину того, чем дышит человек на уровне моря. На больших высотах эта разница ещё существенней. Явление это, именуемое гипоксией, вызывает у восходителей так называемую «горную болезнь», проявляющуюся в одышке, слабости, головных болях, головокружении, а в наиболее тяжёлых случаях приводящей к утрате пространственной ориентации, потере сознания и порой даже заканчивающейся летальным исходом. Способ борьбы с «горной болезнью» один – простой и радикальный – немедленный спуск вниз.

Нельзя «обмануть» горную болезнь, но можно в какой-то мере адаптировать свой организм к работе в условиях высокогорья. Для этого разработаны и многими поколениями альпинистов апробированы несколько методик, наиболее распространённой из которых является способ восхождения «по пиле». Суть его заключается в том, что восходитель последовательно поднимается на всё большую высоту, спускаясь после каждого «зуба пилы» на некий базовый уровень, который, в свою очередь, также постепенно увеличивает свою высоту, с таким расчётом, чтобы в итоге на одном из пиков восхождений альпинист достиг вершины. Всё это требует не только хорошей физической подготовки, выносливости, но и достаточного длительного времени пребывания в условиях высокогорья. Всего этого как раз обычно и лишены клиенты новомодных турагентств. Ведь большинство из них хотят, чтоб получилось быстро и несложно. А в горах так не бывает. Горы требуют к себе уважения и берут немалую плату с тех, кто относится к ним пренебрежительно, свысока. Ведь даже сейчас, в двадцать первом веке, при наличии сотовой и спутниковой связи, ратраков, снегоходов, вертолётов и прочей технической атрибутики горы продолжают собирать немалую дань человеческими жизнями. На склонах того же Эльбруса, несмотря на сравнительную простоту восхождения на его вершины, ежегодно гибнет от пятнадцати до двадцати человек, что составляет порядка 80 % всех несчастных случаев в Приэльбрусье. Правда, справедливости ради следует отметить, что это в основном относится к неорганизованным группам и одиночкам. Ведь достичь вершины стремятся не только спортсмены-альпинисты, но и гонористы, жаждущие дешёвой славы юнцы, и психически неуравновешенные люди, и религиозные фанатики. Однако среди погибших и пострадавших во все

времена были не только туристы-любители (так называемые «дикие туристы»), но и зачастую опытные подготовленные спортсмены с соответствующим горным опытом. Ведь, кроме гипоксии, основными объективными опасностями при восхождениях на Эльбрус являются многочисленные ледниковые трещины, а также погодные условия – в силу специфического расположения и доминирующего положения горы погода на Эльбрусе может испортиться в считанные часы, что, наряду с уменьшением видимости и резким падением температуры, может приводить к потере ориентации и гипотермии. Кроме того, недостаточная высотная акклиматизация восходителей и такие связанные с ней факторы, как обезвоживание организма, резкое ухудшение самочувствия и, как следствие, потеря концентрации внимания, также зачастую приводят к трагическим последствиям. Так всем группам «покорителей Эльбруса» на первом же инструктаже по технике безопасности обязательно в качестве примера приводится случай массовой гибели восходителей 9 мая 2006 года, когда на седловине Эльбруса замёрзли одиннадцать из двенадцати туристов, совершавших восхождение за Западную вершину...

Итак, я подарил своей супруге «тур на Эльбрус». Восхождение должно было состояться в первых числах мая. Мы начали подготовку к нему сразу после новогодних каникул. Тренировки были ежедневными с постепенным увеличением продолжительности и интенсивности физической нагрузки. Кроме того, требовалось скинуть и «жирок комфорта» – лишние килограммы веса, которые могли стать на восхождении «якорем», тянущим вниз. График тренировок был рассчитан так, чтобы подвести организм к наилучшей спортивной форме к началу поездки. Однако эпидемия коронавируса спутала все наши планы. Начиная с марта все туристические агентства свернули свою деятельность. Нам было предложено перенести свой тур, по крайней мере, на несколько месяцев, а лучше – на будущий год. Терять целый год нам не хотелось, и мы перенесли сроки восхождения на последнюю неделю июля, надеясь, что за четыре-пять месяцев эпидемия постепенно пойдёт на спад. В своих расчётах мы не ошиблись, однако некоторые семейные осложнения полностью нарушили наш график подготовки. И хотя мы продолжали по мере возможностей готовиться к восхождению, в тот момент, когда, наконец, настала пора ехать в горы, наши физические кондиции оказались далеки от идеальных. Но деваться было некуда – Эльбрус ждал...

День первый. Терскол

Автодорога А-158, что ведёт к Эльбрусу, отпочковывается от роскошной трассы «Кавказ» в районе Нальчика и сразу же превращается в горную. Она ныряет в Баксанское ущелье и принимается упорно карабкаться по его склонам всё выше и выше в горы, раз, наверное, двадцать пересекая по пути с берега на берег текущую по ущелью реку Баксан и оставляя позади большие горные селения с колоритными кабардинскими, а может, балкарскими, названиями: Жанхотеко, Тырнауз, Тегенекли...

Езда неспешная. Кроме того, что дорога ползёт всё время вверх и изобилует крутыми опасными поворотами, на ней ещё встречаются и «естественные препятствия» – коровы. Местные коровы, по нашим наблюдениям, ведут вполне самостоятельный образ жизни. Во всяком случае, мы ни разу не видели рядом с ними пастуха. Коровы медленно бродят по обочинам, не обращая никакого внимания на проезжающие автомобили, стоят или лежат прямо на проезжей части, небольшими стайками собираются в тени придорожных деревьев и на автобусных остановках. Автобусные павильоны рогатым красавицам особенно по душе. По-моему, они являются для них чем-то вроде клубов по интересам.

Заканчивается дорога у подножия Эльбруса в небольшом населённом пункте Азау. Не доезжая четырёх километров до него, вы попадаете в альпинистскую и горнолыжную Мекку страны – посёлок Терскол. В самом посёлке и в его окрестностях расположены несколько десятков турбаз, гостиниц, пансионатов и домов отдыха, специализирующихся на горном и горнолыжном туризме. Здесь же находится и турбаза МО РФ «Терскол» с самым высокогорным в Европе крытым спортивным бассейном. Ныне на базе этой некогда прославленной кузницы армейских горнолыжников расположена воинская часть – Центр горной подготовки и выживания МО РФ. Кстати, самая высокогорная стационарная воинская часть в стране.

Очувтившись на улицах Терскола, вы сразу же понимаете, что попали в центр спортивной жизни: по улицам почти непрерывно снуют бегуны и роллерлыжники; пёстрыми стайками катят велосипедисты: вниз – под шелест шин, низко пригнувшись к рулю, вверх – привстав на педалях, сосредоточенно преодолевая нескончаемый подъём. То там, то тут, прямо на тротуарах, лежат груды неподъёмных на вид рюкзаков, рядом с ко-

торами отдыхают и пьют воду группы горновосходителей. Кто-то уже спускается вниз – молчаливый, уставший, с осунувшимся лицом и в украшенной соляными разводами майке. Кто-то только выходит в путь – полный сил и громадьё планов, деловито поправляя на ходу амуницию и велосело перешучиваясь с попутчиками.

Наша цель – небольшая трёхэтажная гостиница в самом конце посёлка. Время сбора группы – 19 часов. Мы прибыли в Терскол около трёх часов дня, поэтому имеем некоторый запас времени для осмотра местных красот, основной из которых является, безусловно, Большой Кавказский хребет. Непосредственно из Терскола видны: могучий Донгуз-Орун (4454 м), вздымающий свою, увенчанную шапочкой ледника, голову из-за пологой спины близкого Чегета; его сосед Накратау (4277 м); две вершины Когутая (3819 м и 3750 м) и грозная, овеянная зловещими легендами Ушба (4700 м). С другой стороны долину замыкает гора Азау с белым куполом астрономической обсерватории на своём плече. Эльбруса из Терскола не видно – он закрыт собственными предгорьями, и, чтобы полюбоваться им, необходимо подняться метров на пятьсот вверх по склону одной из ближайших гор.

Мы с Аллой уже бывали в этих краях: я, ещё холостяком, – в 85-м, и вместе – в 90-м. Но это было зимой. Мы катались на горных лыжах, и всё вокруг было покрыто снегом. Теперь склоны гор – сплошной пёстрый ковёр буйно цветущих альпийских лугов. Часа два мы бродим по окрестностям Терскола, с удовольствием вдыхая ароматы горного лета.

Наконец около 19 часов члены группы, добравшиеся до Терскола разными маршрутами, собираются в столовой гостиницы. Группа большая – 28 человек. Обычно в группу для восхождения на Эльбрус включают человек 12-15, но коронавирус и здесь внёс свои коррективы – у многих, как и у нас, тур сдвинулся на июль с мая или с июня.

Группа в основном молодёжная. Средний возраст «альпинистов» – 25-35 лет. Мы с Аллой – самые возрастные. На нас поглядывают снисходительно и даже с некоторым недоумением – мол, вы-то, старики, куда?! Мы спокойны. Гора всех расставит по ранжиру.

Гидов пока трое: куратор нашей группы Ирина, Артём и Денис, которого все зовут Дэн. Он по совместительству также исполняет обязанности фотографа.

Начинается знакомство и инструктаж. Артём демонстрирует видеопрезентацию, в которой рассказывается о маршруте восхождения и методике акклиматизации.

Маршрут, по которому мы будем подниматься на Эльбрус, называется «южный классический». Сложность по установленной российской классификации – 1Б. Маршрут начинается от поляны Гара-Баши (конец канатной дороги, высота 3880 м) и идёт практически ровно вверх под Восточную вершину, мимо «Приюта одиннадцати» (высота 4200 м), мимо скал Пастухова (4550-4800 м) до высоты примерно 5200 метров, откуда по так называемой «косой полке» длинным двухчасовым траверсом осуществляется выход на седловину (высота 5416 м). Далее от седловины по «второй косой полке» подъём на предвершинную пологость и с неё – по крутому недлинному «взлёту» – выход на самую Западную вершину. Средняя крутизна маршрута – 35 градусов. Среднее время на подъём – 12 часов. На спуск – ещё 4 часа. Но восхождению непосредственно на Эльбрус будет предшествовать целый ряд акклиматизационных выходов. Два – непосредственно из Терскола: на гору Чегет (до высоты 3100 м) и на гору Азау (3400 м). После чего группа перебазируется из Терскола в базовый лагерь на поляну Гара-Баши, откуда совершит ещё два предварительных восхождения: до «Приюта одиннадцати» и до скал Пастухова. Ну а потом уже будет Эльбрус.

– Каждому из вас в ближайшие пять дней предстоит сделать примерно сорок тысяч шагов вверх по склону, – говорит нам Артём – Причём большую половину из них – на высотах выше четырёх километров. Для этого вам надлежит научиться по-новому дышать и освоить специальный высокогорный шаг. Кроме того, всем вам необходимо будет научиться пользоваться страховкой и изучить способы самоспасения при срыве на снежно-ледовом склоне.

– А что, могут быть срывы? – раздаётся испуганный девичий голос из задних рядов.

– Редко, но бывают, – отвечает наш гид и тут же успокаивает: – Но опасаться не следует, наши инструкторы всегда будут рядом. Ещё вопросы?..

Группа молчит. На лицах присутствующих читается целая гамма чувств – от закоренелого скепсиса до наивного испуга.

– И что, – после продолжительной паузы спрашивает атлетического вида мужчина (кажется, в начале собрания он представился Игорем из Питера), – без этих сорока тысяч шагов обойтись никак нельзя? В смысле, нельзя это число несколько уменьшить, убрать пару предварительных подъёмов?

– Нельзя! – строго пресекает это поползновение Артём. – Поймите, без необходимой адаптации к условиям высокогорья вам просто не взойти на

Эльбрус. Впрочем, – сейчас же добавляет Артём, – на самом восхождении возможны некоторые послабления. Ратраки забрасывают желающих до высот 4700 или 5100 метров. Также возможен и спуск вниз на ратраке с высоты 5100 метров.

– Цена вопроса? – сейчас же деловито интересуются из зала.

– Пять тысяч до высоты 4700, десять – до высоты 5100. Спуск стоит 3500.

– С ратрака? – наивно вопрошают из зала.

– С человека, – ставит точку над «и» Артём. – Кроме того, – после паузы уточняет он, – сертификат о восхождении получит только тот, кто поднимется и спустится с Эльбруса без какой-либо технической поддержки. То есть «ратратчики» в эту категорию однозначно не попадают.

– Да ладно, обойдёмся без ратраков! – уверенно рубит ладонью воздух Никита из Хабаровска. – Дойдём все дружно до вершины и сфоткаемся там всей группой. На фоне, так сказать, соплеменных гор. Правильно я говорю?..

– До вершины дойдут не все, – тихо, но отчётливо произносит со своего места Ирина. – По многолетней статистике, из поднимающихся на гору без использования ратрака до вершины доходит лишь один из десяти. Из тех, кто доезжает на ратраке до 4700, на вершину поднимается каждый третий, а из тех, кто едет до 5100 – каждый второй.

– А остальные?

– А остальные идут вниз в сопровождении гида. С того места, где у них закончились силы, – жёстко заканчивает Ирина.

Группа опять замолкает. На этот раз ошарашенно. Статистика есть статистика. Все хотят оказаться в числе счастливых, достигших вершины, но цифры – вещь неумолимая. И вероятность попасть в неудачники намного выше. В скобках отмечу, что впоследствии так всё примерно и оказалось, статистика не обманула, но на тот момент никто из нас, конечно, ещё этого не знал.

– Ну, если вопросов больше нет, – говорит Артём, – тогда все на ужин, а потом – получать снаряжение...

Выдача снаряжения происходит в отделении проката в цокольном этаже здания гостиницы. Мы получаем пока лишь то, что необходимо для местных, маловысотных, выходов. В списке получаемого значатся: штурмовые рюкзаки, ветрозащитные куртки, солнцезащитные очки-консервы и трекинговые палки. О них следует сказать отдельно.

Трекинговые палки во всём походят на обычные лыжные, но, в отличие от последних, они телескопически складные. В сложенном положении трекинговые палки легко помещаются в рюкзак, в разложенном – регулируются по длине от 65 до 145 см.

Мы с Аллой до этого никогда с палками не ходили и поначалу отнеслись к этой части экипировки несколько скептически, но в последующем убедились в их полезности и даже незаменимости на длительных подъёмах и спусках. Палки не только служат дополнительными точками опоры, но и, что весьма немаловажно, перераспределяют физическую нагрузку, ощутимо разгружая ножные мышцы, а также мышцы спины...

Спать ложимся поздно, но сон не идёт – слишком много новых впечатлений, слишком много новой информации, причём информации неоднозначной и где-то даже тревожной. К тому же завтра нас ждёт первое испытание горами – восхождение на Чегет...

День второй. Чегет

– Подъём на Чегет – лёгкая прогулка, – роняет на выходе гид Артём.

Приободрённые его словами, мы покидаем гостиницу и примерно с километр бодро шагаем по широкой, хорошо утоптанной тропе, живописно петляющей по сосновому лесу. Группа оживлена, слышны весёлые голоса, смех. Многие часто останавливаются, чтобы сфотографироваться у живописного камня или «...вон у того прикольного пня!».

Минут через пятнадцать мы оказываемся у подошвы Чегета. Справа от нас уходит вверх крепельная канатная дорога. Слева – ревьёт невидимый за деревьями неукротимый Баксан.

Артём проводит краткий инструктаж, объясняет, как правильно подстроить длину трекинговых палок под рост человека, и советует всем намазать открытые части тела противозагарным кремом.

– С солнышком здесь не шутите, – предупреждает Артём. – Это оно только с виду ласковое. На самом деле на высоте можно сгореть до серьёзных ожогов за час-полтора... И обязательно все наденьте тёмные очки, – советует он и коротко поясняет: – Жёсткий ультрафиолет. Очень вредно для сетчатки...

Выстроившись в цепочку, начинаем карабкаться вверх. Подъём пока не особо крутой – градусов двадцать пять, и молодёжь полна нерастратченных сил. Поэтому продолжают весёлый трёп, обильные групповые фото и одиночные селфи. Некоторые, особо ретивые, пытаются обогнать группу, чтобы сфотографироваться на наиболее выгодном, с их точки зрения, фоне. Артём мягко, но непреклонно пресекает эти попытки.

– А нельзя ли побыстрее?! – наконец не выдер-

живает один из «жеребцов». – А то плетёмся, понимаешь, как эти...

– Нельзя! – ставит его на место Ирина. – Идём все вместе. Приучайтесь к горному шагу.

Впрочем, посоветовавшись с Артёмом, она вскоре делит группу на две разновеликие части. Одна, побольше, под предводительством Ирины уходит вперёд. Но недалеко – крутизна склона увеличивается, и «жеребцы» постепенно теряют свой первоначальный задор.

К середине маршрута обе группы вновь собираются в одну длинную цепочку. Шуточек уже не слышно. Зато отчётливо слышно тяжёлое дыхание «восходителей». С фотографированием уже тоже как-то особо никто не торопится, хотя виды, открывающиеся с этой высоты, гораздо живописнее тех, что были внизу. Как бы компенсируя падение общей фотоактивности, свою работу фотографа начинает Дэн. Он то забегает далеко вперёд и ведёт съёмку с верхней точки, то подкарауливает группу за каким-нибудь камнем и в упор «расстреливает» каждого проходящего.

– Фотки-то будут? – тяжело пыхтя, интересуется один из проходящих.

– За отдельную плату! – весело откликается Дэн.

Наконец группа выходит к верхней станции первой очереди канатной дороги.

– Привал! – командует Ирина.

Все облегчённо валятся в траву.

– Сидеть, кстати, не рекомендую, – «радует» всех Артём. – «Забьёте» мышцы – потом идти будет намного труднее.

– Как, ещё труднее?! – распахивает глаза москвичка Анжела.

Она единственная из всех вышла в поход как на городскую прогулку: в длинной юбке и в легкомысленных тапочках на босу ногу. Обильная косметика на её лице уже изрядно поплыла от пота.

– Да, – кивает Артём, – дальше уклон будет только увеличиваться – вплоть до сорока пяти градусов.

– Ой, мамочки!.. – страдальчески морща лицо, вздыхает Анжела.

Привал недолгий – минут десять.

– Больше пейте, – советует Ирина. – Обезвоживание очень опасно для организма.

Но в этом плане подгонять нас нет нужды – все и так пьют, как изнурённые пустыней верблюды. Захваченные с собой бутылки с минералкой и колой пустеют прямо на глазах.

– Встаём! Выходим!..

И вновь бесконечный подъём, и вновь палящие лучи солнца, и медленно переступающие ноги впереди идущего, и тяжёлое прерывистое дыхание идущего сзади.

«Жеребцы» уже не галопируют, не скалят зубы и даже не «помахивают хвостом».

– На хрена мне всё это надо было?!.. Сидел бы сейчас в своём кабинете с кондеем, пил бы холоденькую минералку и смотрел клипы в сети... – негромко, но отчётливо вопрошает пространство один из них – типичный представитель «офисного планктона», нарастивший себе красивую мускулатуру в элитном фитнес-клубе.

– Воистину, – тихо говорю я Алле, – в стойле конь удал, да в поле увял. Это тебе, хлопец, не кустики на животе в «качалке» шлифовать.

Больше на реплику «атлета» никто не реагирует. Все заняты. Все работают. Шаг – вдох, шаг – выдох. Левая палка – правая нога, правая палка – левая нога... Пот заливает глаза. Лёгкие «горят», их объёма явно не хватает для дыхания: хочется вдохнуть поглубже и ещё поглубже... но лёгкие упираются в рёбра, и приходится делать выдох, чтобы тут же снова сделать максимально глубокий вдох...

– Ничего себе «лёгкая прогулка»!.. – задавленно сипит кто-то впереди...

К часу дня мы достигаем наконец цели своего восхождения – верхней станции кресельной дороги, высота 3100.

– Всё! – радует всех Ирина. – Пришли!

Мы скидываем пропитанные потом рюкзаки и озираемся. Здесь достаточно многолюдно. По кресельной дороге регулярно поднимаются туристы – одиночно и целыми семьями с разновозрастными детьми. Стремление их понятно – вид, что открывается отсюда, действительно впечатляет: Большой Кавказский хребет громоздится от горизонта до горизонта во всей своей красе. Вот, правда, основной достопримечательности – Эльбруса – сегодня не видать, он закрыт облаками.

– В здешнем кафе делают отличные чебуреки, – информирует нас Ирина. – С сыром, с ягодами и обычные – с мясом.

– С ягодами?! – удивляемся мы. – Стоит попробовать.

Несмотря на жару, голод даёт о себе знать – всё-таки калорий потрачено много. Наша группа дружно «оккупирует» маленькое помещение высокогорного кафе. Ждать приходится долго – хозяйка кафе явно не справляется с наплывом посетителей.

– Больше одного чебурека «на нос» не берите, – советует Артём. – Они большущие – не съедите.

Народ начинает делиться на пары и тройки, чтобы отведать все виды местных чебуреков. Нам с Аллой проще – мы берём два на двоих: один – с мясом, второй – с ягодами.

Чебуреки выше всяких похвал: вкусные, сочные, кроме того, они реально большие – чуть ли не две четверти «в размахе». Хорош и здешний ягодный чай – с облепихой и дикой вишней.

После еды все слегка веселеют. Вновь начинаются обильные фотосессии «на фоне соплеменных гор». Дэн трудится не покладая рук.

– Вниз едем на «канатке», – сообщает нам Ирина. – Хватит с вас на сегодня.

Группа радуется, словно приговорённый к казни и неожиданно помилованный заключённый. «Жеребцы» вновь оживают.

– А на Азау подниматься труднее? – интересуются у Артёма «офисный атлет».

– Не труднее, но дольше, – сообщает гид.

– Тогда ладно, пойду, – «осчастлививает» присутствующих любитель сетевых клипов.

– А я не пойду, – сообщает гидам Анжела. – Хватит с меня гор.

Она действительно выглядит плохо: лицо красное, потное, под глазами залегли нехорошие вечерние тени. Инструкторы озабоченно щупают у неё пульс...

Спуск на «креселке» лёгок и прост. Внизу проплывают верхушки могучих сосен. Налетающий ветерок покачивает кресло, ласково обдувает разгорячённое лицо, сушит насквозь промокшую от пота ветровку.

Внизу группа собирается и дружно движется в сторону гостиницы. Идти не в гору, оказывается, намного проще, ноги легко шагают по упругой лесной тропе.

– Кто со мной? – бросает призыв «офисный атлет». – Я тут знаю один клёвый ресторанчик!..

Быстро сколачивается небольшая компания любителей ресторанной еды. С разрешения Ирины они отделяются от группы и ныряют в ближайший переулочек.

– Вина только не пейте! – напутствует их Ирина. – А то завтра на горе сдохнете!

– И пива! – запоздало добавляет Артём.

Вот и гостиница.

– Завтра выходим рано, – сообщает группе Ирина. – В семь. До вершины Азау пять часов ходу.

– Это в лучшем случае, – уточняет Артём.

Кто-то вздыхает.

Мы идём в свой номер и с наслаждением забираемся под душ. Ноги гудят. Плечи ноют. Но настроение хорошее – первый экзамен пройден. А завтра... Что ж, завтра будет завтра. Как говорится, упрёмся – разберёмся. И опять же, назвался груздем, вылетело – не поймашь...

День третий.

Азау

Всем, разумеется, не вышли – группа собирается медленно, то один, то другой из уже подошедших вдруг снова исчезает: забыл то, забыл это, попить, пописать...

– Детский сад... – ворчит Артём.

В четверть восьмого подтягивается компания давешних «ресторанщиков» – молчаливых, с бледными опухшими лицами. Наконец в семь двадцать пять выходим.

Группа наша слегка поредела – из строя ожидаемо выбыла Анжела. Отсутствует и её муж. Теперь нас двадцать шесть.

Путь наш лежит в противоположную от вчерашнего маршрута сторону.

Гора Азау расположена на территории государственного заказника, поэтому не удивительно, что в начале дороги, что ведёт на её вершину, стоит шлагбаум и кособокая будочка, в которой дежурит местный «джигит». Ирина собирает «откупную дань» – по 50 рублей с человека – и вручает её «стражу горы». Шлагбаум поднимается. «Джигит» живо напоминает мне Остапа Бендера, который, как известно, собирал деньги на ремонт Пятигорского провала: «Чтоб не сильно проваливался!..» Делюсь этим наблюдением с Ириной. Она разводит руками:

– Ничего не поделаешь! Местная традиция...

Идти сегодня легче, чем вчера. Может, из-за несколько меньшего угла подъёма. Может, из-за того, что мы уже слегка адаптировались к высоте. А может, из-за того, что приновились равномерно двигаться в гору, освоили высокогорный шаг. Но скорее, – из-за всего вместе взятого. Тем не менее после двух часов непрерывного подъёма воздух в лёгких опять заканчивается. К счастью, примерно на середине пути нас ждёт приятный сюрприз.

– За следующим поворотом выйдем к водопаду, – сообщает нам Артём. – Там – большой привал...

Сначала мы слышим голос водопада. Это – низкий рокот, немного напоминающий вертолётный гул. А сразу за близким поворотом водопад предстаёт пред нами во всей своей красе.

Мощный горный поток, накатывая на скальный лоб, расплющивается по горизонтали и вдруг, потеряв опору, широким фронтом рушится вниз с пятнадцатиметровой высоты, разделяясь в падении на сотни переливающихся на солнце серебристых прядей. Он похож на струящиеся волосы какой-то горной великанши, за что вполне ожидаемо носит название: водопад «Девичьи косы». Зрелище действительно красивое. Величественное и завораживающее.

Все забывают про усталость. Группа рассыпается по окрестностям: кто-то спускается к бегущей от водопада реке, кто-то, наоборот, карабкается к падающим струям, чтобы «погладить косы», и все обильно фотографируются. Аппарат Дэна трещит без передышки.

Привал затягивается минут на тридцать. То и дело к водопаду подходят другие группы туристов – место это в Терсколе знаковое, включено во все справочники местных достопримечательностей. Впрочем, большинство пришедших, «отметившись» у водопада, уходят обратно вниз, в долину. Нам же предстоит продолжить путь наверх.

Выходим Выше водопада пейзаж меняется. До этого мы в основном шли по сосновому лесу и по альпийским лугам. Теперь же вокруг – россыпи голых камней и целые отвалы рыжевато-голландского шлака.

– Азау не самостоятельная гора, – поясняет нам Артём. – Это гребень одного из боковых вулканических жерл. Эльбрус – это ведь древний вулкан. Поднимемся на вершину – увидите само жерло. Точнее, то, что от него осталось...

Ещё полтора часа пути, и мы выходим к обсерватории. Белый купол её, отчётливо видимый снизу, из Терскола в виде малюсенькой блестящей, вблизи оказывается громадным – высотой метров тридцать. Тут же, за внушительного вида забором, пара жилых домов, какие-то ангары; рядом с недостроенным и уже поросшим травой зданием – заржавевший подъёмный кран.

– Раньше тут кипела жизнь, – сообщает Артём, – нынче – запустение. Эта обсерватория – совместный российский-украинский проект. Строили вместе, а теперь никак поделить не могут.

– Но наблюдения-то какие-то ведутся? – интересуемся мы.

Артём пожимает плечами.

– Наверное, ведутся. Тут изредка можно видеть машины за забором. Кто-то, значит, приезжает...

Выше обсерватории дорога превращается в еле заметную тропу. Продолжаем упорно карабкаться вверх. Вдруг отчётливо слышим артиллерийскую канонаду. Или это гром? Но небо относительно чистое, во всяком случае, без грозных облаков.

– Обвал, – показывает рукой на высящийся напротив Донгуз-Орун Ирина. – Вон, смотрите, там, где пыль клубится.

Мы смотрим во все глаза. Крошечные серые точки катятся, подпрыгивая, по наклонной стене горного великана – от ледника «Семёрка» – вниз, в ущелье. На самом деле это огромные глыбы величиной с целый дом. Тучи пыли, поднятые ими, напоминают отсюда узкие серые дымки, тянущиеся от печных труб.

– Не дай бог попасть под такое! – задумчиво произносит кто-то.

– Да, – подтверждает Артём, – это примерно как попасть под артобстрел...

Ещё час размеренного верблюжьего шага, и вот она, вершина. Высота 3400.

Здесь господствует ветер. И не тёплый летний ветерок, как внизу, а резкий горный ветер, дующий с уже близких ледников. Сразу начинаем одеваться – в мокром от пота термобелье простыть на таком ветру дело нескольких минут.

На небольшой каменной площадке на западном краю вершины – обелиск. Он установлен в честь воинов кавалерийских частей Красной армии, освобождавших эту местность в 1943 году. Мы изрядно удивлены. Оказывается, здешние горы освобождала кавалерия.

– Я понимаю, что здесь ели кавалеристы, – бормочет, рассматривая окрестности обелиска, Тимур из Ставрополя. – Они ели лошадей. А вот что тут ели лошади?!..

И вправду, окружающий пейзаж напоминает скорее лунный: всё пространство между выступающими скалами и грудками камней засыпано отвалами чёрного, серого и рыжего шлака. То там, то тут видны пятна и целые поляны грязно-рыжего снега. Лишь кое-где просматриваются зелёно-бурые островки мхов и лишайников.

Группа рассыпается по вершине.

– Ой, цветочки!.. – восклицает вдруг девичий голос.

Вскоре цветы находим и мы. Они прячутся в защищённых от ветра местах и очень низкорослы – не выше щиколотки. Но поражает их разнообразие – мы с Аллой насчитали на вершине не менее двух десятков различных видов цветов. Правда, опознать нам удалось только один: ромашку лекарственную. Остальные цветы нам совершенно неизвестны. И это неудивительно – даже известные всем по равнине растения здесь, в высокогорье, зачастую совершенно изменяют свою форму. Кроме того, здесь ведь полно и местных эндемиков. Несмотря на малый рост, здешние цветы очень яркие и своим присутствием радуют глаз.

Наиболее выгодная точка для фотосессии на вершине Азау – её восточная часть. Здесь вершина почти вертикально обрывается в трёхсотметровую пропасть, противоположный край которой представляет собой тоже почти отвесную стену гребня, полого поднимающегося в северо-западном направлении – к Эльбрусу. Самого Эльбруса сегодня опять не видно – двуглавая вершина уже второй день упрямо прячется от нас в мутно-белых облаках.

– Перед вами Восточная кальдера, – поясняет нам Дэн. – Когда-то она была одним из жерл вулкана. Представляете себе масштаб извержения?..

Мы мысленно рисуем себе картину этого давнишнего природного катаклизма. До противоположной стороны кальдеры километра три. Это – диаметр жерла, через которое в незапамятные времена извергалась из бушующих земных недр раскалённая лава и миллиарды тонн горячего шлака.

Ныне когда-то кипящее дно жерла представляет собой наклонную равнину площадью в несколько квадратных километров, по которой бегут от горных ледников многочисленные бурливые мутно-рыжие ручьи. Много снежных полей, щедро взрезанных скальными выходами и всё теми же вездесущими отвалами шлака. Изредка по кальдере ниже нас пробегают небольшие лохматые облачка, похожие сверху на клочья гонимой ветром овечьей шерсти. Фон для отчётной фотосессии идеальный.

– Становимся здесь!.. Смотрим сюда!.. Ногу вперёд!.. – командует процессом Дэн.

Группа охотно позирует.

– Всё! Заканчиваем! Выходим! – подгоняет всех Ирина. – Не забывайте, здесь подъёмника нет. Сегодня спускаемся ножками.

Вскоре группа, вновь выстроившись в длинную цепочку, трогается в обратный путь. Трекинговые палки настроены на спуск – их длина увеличена на 10-15 см.

Идти поначалу легко. Ноги, кажется, сами шагают вниз. Но уже через полчаса начинают проявляться сложности и особенности длительного спуска: колени, непривычные к такому виду передвижения, начинают «скрипеть»; пальцы ног, упирающиеся в носок ботинка, испытывают сильный дискомфорт. Так и до мозолей недалеко. Неудивительно, что на обратном пути группа останавливается гораздо чаще, чем при подъёме в гору.

Примерно через два часа спуска выходим к будочке «хранителя гор». Неутомимый «джигит» исправно собирает мзду с направляющихся в горы туристических групп. Весело раскланиваемся с предприимчивым сыном гор.

Вот и Терскол. Вваливаемся в гостиницу.

– После обеда не разбегайтесь – будем получать высотное снаряжение, – предупреждает нас Ирина...

Полученное нами снаряжение почти полностью занимает выданный нам тут же, в прокате, грузовой столикотровый рюкзак. В перечень снаряжения входят, во-первых, высотные ботинки: неуклюжие и тяжёлые, основная задача которых – уберечь наши

ноги от воздействия низких температур. Ботинки устроены по принципу термоса: во внешний, пластиковый, жёсткий корпус вложены мягкие вкладыши, отлитые из специальной термостойкой пены. Ботинки напоминают по форме классические борцовки. В условиях равнины ногам в них комфортно и при минус пятьдесят. Но в горах всё иначе.

– Переносимость холода на больших высотах строго индивидуальна, – рассказывает нам Артём. – Всё зависит от того, насколько сильно ваш организм подвержен влиянию высокогорья. При понижении содержания кислорода в крови организм тратит почти всё своё тепло на обогрев внутренних органов, поэтому на руки и ноги остаётся то, что остаётся. Так что на высотах выше пяти километров можно и при минус десяти за короткое время получить сильнейшие обморожения...

Кроме высотных ботинок мы получаем: «кошки» – для передвижения по снежно-ледовым склонам; непромокаемые гамаша, призванные предохранить ботинки и штанины от попадания в них снега и талой воды; пуховую куртку; утеплённые высотные штаны; пуховые варежки – «верхонки»; страховочную обвязку, каску и ледоруб.

– Правила обращения с ледорубом и страховочной вам будут доведены на специальных занятиях в базовом лагере на Гара-Баши, – напутствует нас наш гид.

Складываем всё полученное добро в рюкзаки и тащим их в гостиничный номер.

Весь оставшийся вечер посвящён отбору необходимых в базовом лагере вещей и тщательной укладке рюкзаков. Занятие это оказывается на удивление утомительным. Только около полуночи завершаем сборы и тут же падаем спать. Завтра выезд на Гара-Баши...

День четвёртый. Гара-Баши и «Приют одиннадцати»

Для того чтобы перевезти нас от гостиницы до станции канатной дороги, что ведёт на Эльбрус, понадобилось три ходки автобуса. Причём каждый раз автобус – битком. Оно и понятно: группа – двадцать пять человек (ещё один восходитель – минус), у каждого два доверху набитых рюкзака: большой грузовой и малый штурмовой. Три гида со своим высотным снаряжением. Кроме того, запас питьевой воды на всю группу на четверо суток пребывания в базовом лагере (на Эльбрусе питьевой воды нет) – пятнадцать двадцатилитровых канистр. И в довершение – несколько больших коробок с продуктами: крупы, масло, консервы, чай,

печенье и прочее. Гора снаряжения в здании «канатки» – чуть ли не до потолка.

Подходит вагончик. Выстраиваемся в цепочку и начинаем передавать вещи из рук в руки – от здания станции до дверей вагончика. Первый вагончик полон – пошёл. За ним загружаем второй. В третий наконец вписываемся сами.

На промежуточной станции «канатки», «Верхний Кругозор», всё повторяется по уже отработанному сценарию: цепочка – кажущийся нескончаемым поток рюкзаков и канистр – первый вагончик – второй – третий – поехали!

От верхней станции «канатки» «Мир» вверх на поляну Гара-Баши уходит нитка подвесной кресельной дороги. В каждое кресло помещается один рюкзак. Или канистра. Или человек.

Грузимся. Едем. Примерно на полпути «креселка» ныряет в облака. Сразу становится холодно и неуютно. Выныриваем из облаков в нескольких десятках метров от конечной станции. Теперь мы над облаками.

На поляне Гара-Баши солнечно, но неуютно. Дует пронизывающий холодный ветер. Я верчу головой, но ничего не могу опознать – за тридцать лет здесь всё изменилось до неузнаваемости. Бросаются в глаза развороченные бульдозерами склоны вокруг и всё те же вездесущие груды рыжего шлака. М-да... Помнится, в прошлый наш приезд сюда, в 90-м году, пейзаж выглядел несколько нарядней: ровные снежные склоны, усеянные яркими, радующими глаз костюмами спящих горнолыжников...

Однако предавать ностальгическим воспоминаниям некогда. Хватаем рюкзаки и, надрывая пуп, тащим их к вагончикам, что стоят метрах в ста от верхней станции «креселки», на краю обрыва.

Это наш базовый лагерь – высокогорный приют «Ветер». Название вполне подходящее – приют продувается насквозь. Ветер, дующий от стекающего с Эльбруса ледника Гара-Баши, заставляет кутаться в ветровки и поглубже натягивать шерстяные шапочки.

Заселяемся в три вагончика по 8-10 человек в каждом, без разбора на мужской и женский пол.

В вагончике тесно – пять двухэтажных кроватей вдоль стен занимают практически весь его объём, оставляя для передвижения лишь узкий проход посередине. Возле единственного окна – небольшой стол. Обстановка более чем спартанская. Правда, есть электричество, и это пока единственное, что радует в здешнем быту. Сразу же включаем калорифер – в домике ненамного теплее, чем снаружи. Единственно, нет ветра. Кое-как расписываем по углам всё своё многочисленное имущество и идём в вагончик-столовую на обед.

Обед уже тоже походный, без разносолов: суп из консервов и пшённая каша. Без мяса. И без масла.

– Мясо на высоте есть вредно, – комментирует скудное меню Ирина. – Жиры сжигают слишком много кислорода. Так что привыкайте к углеводной диете.

Делать нечего. Привыкаем.

Сразу после обеда экипируемся по-высотному и выходим в первое акклиматизационное восхождение – пока не слишком высоко – до «Приюта одиннадцати».

«Приют одиннадцати» – место историческое. Ещё в 1932 году здесь, на высоте 4200 метров, было возведено деревянное здание на 40 мест для туристов и альпинистов, на базе которого с 1939 года начала действовать самая высокогорная в Европе гостиница. Гостиница эта благополучно пережила войну и исправно функционировала до 16 августа 1998 года, когда в ней случился сильный пожар, уничтоживший большую часть здания. В 2001 году началось восстановление и реконструкция сгоревшей гостиницы, которая ни шатко ни валко продолжается до сих пор. Как временная мера, неподалёку от строящегося здания установлен ряд жилых 12-местных вагончиков и вагончик-кухня. Это и есть нынешний «Приют одиннадцати». Здесь есть свой дизель-генератор, так что по вечерам огни приюта служат хорошим ориентиром для поднимающихся на Эльбрус альпинистов.

Первый высотный выход даётся нам без особого труда. Разве что поначалу несколько непривычно шагать в громоздких горных ботинках.

На полпути к приюту доходим до границы снегов, лежащих отсюда выше вплоть до вершины.

– Надеваем «кошки»! – командует Ирина.

Новое дело! Несмотря на то что порядок подгонки и надевания «кошек» был нами опробован ещё внизу, в Терсколе, процесс затягивается. Одно дело надевать «кошки» на ровной поверхности в тёплом помещении, сидя на удобной скамеечке, и совсем другое – надевать их на крутом снежном склоне, руками в перчатках, загораясь собственной спиной от плотных, норовящих опрокинуть вниз, порывов ледяного ветра.

Ирина, переходя от человека к человеку, помогает то делом, то советом. Процесс ответственный: «кошки» – это хорошее сцепление и устойчивость на снежном склоне, а значит, безопасность. Развязавшаяся или даже просто плохо подогнанная «кошка» может стать на восхождении причиной серьёзных травм.

Передвижение в «кошках» – хотя оно и требует некоторых навыков – в целом нам нравится.

Действительно, когда ноги надёжно цепляются за склон, идти не в пример легче – нет «отдачи», то есть нога не проскальзывает при отталкивании назад. К тому же твёрдая опора придаёт уверенности – пропадает постоянное напряжение, боязнь поскользнуться или потерять равновесие на крутом склоне.

Весь путь до «Приюта одиннадцати» занимает у нас чуть больше двух часов. Укрываемся от ветра за каменной грядой и устраиваем привал. Укрываемся – это сильно сказано – да, ветер больше не норовит сбить с ног, но полностью спрятаться от него здесь невозможно, порывы его «заглядывают» и за гребень. Ветер очень холодный, а мы разгорячены после подъёма. Сразу же лезем в рюкзаки за пуховыми куртками. «Пуховки» на высоте – спасение. Закутываемся в них и сразу же чувствуем себя намного уютней. Теперь можно сесть (прямо в снег!) и, не торопясь, попить горячего чая из термоса. Жизнь налаживается! Чего нельзя сказать о погоде. Ветер тащит за собой грязно-серые облака, внутри которых становится совсем неуютно. Исчезают окружающие панорамы гор, исчезает и сам склон. Видимость падает метров до двадцати. Становится понятно, почему в горах столько несчастных случаев из-за потери ориентации – действительно, потерять нужное направление при такой видимости проще простого.

Попив чая и передохнув, начинаем спуск.

На границе снегов снимаем «кошки» и снова прячем их в рюкзак.

Вот и наш «Ветер». Первый высокогорный выход завершён.

– Сейчас все на ужин, а потом отдыхать, – распоряжается Ирина. – Завтра пойдём на скалы Пастухова. Там всё будет посерьёзней.

Быстро проглатываем на ужине очередную порцию углеводов и забираемся в вагончик. Какова она будет, первая высокогорная ночь?..

День пятый. Скалы Пастухова

В одной из своих песен Владимир Высоцкий пел: «Эта ночь для меня – вне закона...» В общем, ночка выдалась ещё та...

Одно из проявлений «горной болезни» – бессонница, и мы в полной мере испытали на себе все «прелести» этого неприятного симптома. В первую ночь в нашем вагончике толком не спал никто. Я так вообще не сомкнул глаз. Точнее, я их исправно смыкал, но сон не шёл. Совсем. Более того, периодически переставало хватать воздуха,

и тогда приходилось делать «гипервентиляцию» лёгких: шесть-восемь глубоких – «до упора» – вдохов-выдохов. На какое-то время мне легчало, а потом организм начинал задыхаться опять. К утру вдобавок разболелась голова.

В общем, ночь не принесла желанного отдыха. Скорее, даже наоборот – мы чувствуем себя измочаленными, как после многочасового изнурительного перехода. Все встают с помятыми, осунувшимися лицами, с красными от бессонницы глазами. Но делать нечего, надо готовиться к очередному восхождению.

Таблетка от головной боли и лёгкая физическая зарядка приносят некоторое облегчение. Большая кружка сладкого чая также приходится как нельзя кстати. Чего нельзя сказать об очередной порции «полезных на высоте» углеводов – порцию пустой гречневой каши приходится запихивать в себя чуть ли не силой.

В десять часов выходим вверх.

Погода переменчивая: небольшие солнечные «окна» резко сменяются закрывающимися небо плотными тучами. Где-то гремит гром.

На границе снегов надеваем «кошки».

Солнечные «окна» всё реже. Гром всё ближе.

И вдруг становится темно. Мы внутри грозовой тучи. С оглушительным треском метрах в двухстах в каменистый гребень бьёт молния. И сразу начинается дождь.

– Достаем дождевики! Быстро! – командует Ирина.

Её почти не слышно за свистом ветра и раскатами грома. Выуживаем из рюкзаков дождевики и, борясь с резкими порывами ветра, пытаемся натянуть их на себя. Дождевик, надетый прямо на рюкзак, едва сходит на груди, оставляя открытыми для дождя живот и ноги. Но это не столь важно, главное – сохранить сухой «пуховку» в рюкзаке, ведь без неё на высоте делать нечего.

Дождь резко сменяется градом. Крупные градины, кажется, летят со всех сторон. Они громко щёлкают по дождевику и больно секут лицо. Натягиваем капюшоны и застёгиваемся на все застёжки – теперь наружу торчит лишь кончик носа.

И снова вместо града – дождь. И снова близкие вспышки молний и оглушительные удары грома.

Дождь прекращается так же внезапно, как и начался. Туча, ворча, переваливается за гребень горы. И снова солнце. Стаскиваем с себя дождевики и прячем их в рюкзак. Ничего не поделаешь – горы. В горах одеваться-раздеваться порой приходится каждые полчаса.

Продолжаем движение вверх. Вот и «Приют одиннадцати». Короткий привал. И снова очеред-

ная туча, но теперь из неё сыплется снег – мы пересекли границу отрицательных температур. Достаём «пуховки».

Выше приюта подъём поначалу не особо крут, но потом рельеф резко меняется: относительно пологий склон сменяется резким «взлётом» крутизной порядка 45 градусов. Идти «в лоб» становится почти невозможно, и группа начинает движение галсами.

Через несколько десятков шагов лёгкие уже привычно начинают «гореть». Ноги наливаются свинцом. Движение замедляется. Ритм уже не тот, что внизу, на первых выходах. Теперь дышать приходится гораздо чаще: вдох-выдох – шаг... вдох-выдох – шаг. Да и сам шаг теперь – с полступни.

«Взлёт» кажется бесконечным. Пот заливаает глаза. Очки-консервы запотевают изнутри. Многие останавливаются, стаскивают с себя «пуховки» и прячут их в рюкзак.

Большая россыпь камней – цель нашего восхождения – кажется, не приближается вовсе.

Ветер сгоняет тучи, но полюбоваться открывшимся пейзажем особо не получается – бредём носом в склон. Лишь на смене галса порой удаётся бросить мимолётный взгляд назад – на горы Большого Кавказского хребта. Мы уже выше большинства из них: в частности, выше Донгуз-Оруна и вровень с «двуухой» вершиной Ушбы. А вот Эльбрус опять не виден – на его вершине «сидит» неопрятная грязно-серая туча.

Ещё десятка два галсов, и мы выходим на небольшую пологость. Высота 4700.

– Всё, пришли! Привал! – командует Ирина.

Разбредаемся кто куда и, прячась за камнями от ветра, падаем в снег. Пить! Термосы с горячим чаем пустеют чуть ли не мгновенно. А вот заготовленные впрок бутерброды «не идут». С трудом заставляем себя съесть по кусочку шоколада и немного кураги.

Рассиживаться долго не приходится – ледяной ветер проникает даже под пуховые куртки, холодит ноги и взмокшую под рюкзаком спину, поэтому отдохнуть толком не получается, все начинают без команды подниматься, топтаться на месте, размахивать застывающими руками и ногами.

– Выходим вниз!..

Вдеваемся в рюкзаки и, подгоняемые хлесткими порывами ветра, начинаем спуск. Идём уже не галсами, а напрямик, широкими размашистыми шагами. Я тут же сталкиваюсь с новой неприятностью: нога в конце каждого шага наваливается на переднюю кромку ботинка и намокшие от пота термоноски начинают усиленно натирать щиколотки и голень. Уповаю на то, что спуск по времени намного короче подъёма.

Тем не менее ушли мы сегодня достаточно далеко и только через два часа безостановочного спуска выходим к нашему приюту.

Разбредаемся по вагончикам и с облегчением стаскиваем с ног опостылевшие «колодки».

Я внимательно осматриваю повреждения. Потёртости налицо: одна приличного вида мозоль на левой голени; вторая – чуть поменьше – на правой щиколотке. А ведь завтра Эльбрус! Обильно смазываю раны пантенолом и в тапочках на босу ногу – по камням, по снегу и льду – тащусь в столовую.

На ужин опять «углеводы». Теперь – горох.

– Если и до перловки дело дойдёт, я точно повешусь, – мрачно бормочет себе под нос Никита, размазывая ложкой по тарелке липко-жёлтую субстанцию.

Его почин остаётся без поддержки.

– Завтра с утра – снежно-ледовые занятия, – оповещает Ирина. – Потом – отдых. В 22 часа выход на Эльбрус. Вот здесь, – она пускает по рукам разграфлённый листочек, – отметьтесь: кто идёт на вершину от Гара-Баши пешком; кто едет на ратраке до высоты 4700; кто – до высоты 5100. И кто едет на ратраке вниз от 5100 после восхождения.

– А подумать можно? – спрашивает кто-то в конце стола.

– Можно. Но недолго. К завтраку списки должны быть составлены. Нам ещё договариваться с водителями ратраков.

Листочек доходит до нас с Аллой. В нём четыре графы: «пешком», «4700», «5100» и «ратрак вниз», и пока несколько фамилий. Мы уверенно вписываем себя в первую графу. Сосед по столу, а это Игорь, смотрит на нас изумлённо:

– Вы что, пешком?!

– Пешком, – киваем мы.

– Так вы же!.. Так там же!.. Ох, и ничего себе!.. – слов для того, чтобы выразить свои мысли, у него явно не хватает.

Молодёжь за столом смотрит на нас во все глаза. В глазах этих отчётливо читается: «Во дадут пенсионеры! С ума сошли!..» Мы невозмутимо пьём чай. Не для того мы проделали такой путь, чтобы заезжать на вершину на тракторе. Идти так идти! Побывать на вершине, конечно, приятно, но гораздо важнее – испытать себя. Пытаемся донести эту мысль до присутствующих. Некоторые проникаются и смотрят уважительно. Некоторые хмыкают и чуть ли не крутят пальцем у виска. По их мнению, побывать на вершине – гораздо важнее. Ведь это – клёвые фотки, лайки в «Одноклассниках» и в «Инстаграме», сладкая слава «покорителя Эльбруса». А испы-

тывать себя? Да кому это надо?! Это всё – слова, сотрясение воздуха. Какая от этого выгода?!..

Неожиданно нас поддерживает Оля из Белгорода – миниатюрная, хрупкая на вид женщина, врач-педиатр по профессии. Она тоже уверенно вписывает свою фамилию в первую графу. «Жеребцы» в шоке:

– Оля, и ты?!

– И я, – категорично ставит точку Оля. – Если уж идти, то идти!

Ещё раз убеждаемся, что твёрдость характера не зависит от твёрдости мускулатуры.

– Ну ладно, – говорит наш куратор, видя за столом такое «брожение умов», – листок я вам оставляю, до завтра у вас есть время, чтобы определиться.

Идём в свой вагончик и валимся спать. Завтра – Эльбрус!..

День шестой. Погодные козни

Вторая ночь прошла немного легче первой – даже удалось часика четыре поспать. Но к утру вновь чувство усталости и головная боль. Сценарий прежний: таблетка ибупрофена, лёгкая разминка, горячий сладкий чай. Слегка легчает.

Выбираюсь на улицу и наблюдаю невиданную доселе картину: вершина Эльбруса свободна от облаков. Горный великан в день восхождения как будто рекламирует себя, предлагая на всеобщее обозрение всю свою крутобокую снежную мощь. Длится, впрочем, эта «рекламная акция» всего несколько минут, после чего Эльбрус вновь натягивает на себя облачную шаль.

Идём в столовую. Здесь нас ждёт сюрприз.

– Восхождения сегодня не будет, – «радует» нас Ирина, – эмчээсники прислали штормовое предупреждение: по району грозы, сильные осадки, на вершине ветер до шестидесяти метров в секунду. Все выходы в горы запрещены.

– А занятия? – интересуемся мы.

– Занятия состоятся по плану, – успокаивает нас Ирина. – Нам для этого далеко от базового лагеря уходить необязательно.

– Так, а на Эльбрус когда?

– На Эльбрус – завтра, – Ирина делает паузу. – Если, конечно, погода наладится.

Это «если» нам категорически не нравится, но делать нечего – горы есть горы, и любое, даже самое подготовленное восхождение самых опытных альпинистов может в любой момент сорваться из-за капризов погоды.

Приступаем к завтраку. На завтрак, разумеется, опять «углеводы», и это... перловка.

– Никита, верёвку дать? – ехидно интересуется у товарища Игорь.

Никита молча отодвигает тарелку, встаёт и покидает столовую.

– Вешаться пошёл, – весело комментируют за столом.

Ну что ж, с юмором у нас в группе пока всё в порядке. Правда, юмор слегка черноватый, но ничего не поделаешь – к этому толкает не шибко радостная обстановка...

К десяти часам экипируемся для снежно-ледовых занятий – каска, «кошки», ледоруб – и выходим на ближайший снежный склон.

Под руководством инструкторов часа полтора отрабатываем приёмы самоспасения на склоне, то есть учимся правильно «зарубаться» при помощи ледоруба при падении: на живот, на спину вверх головой по склону и, наконец, – самый сложный случай – при падении на спину вниз головой по склону.

– Срыв!!.. – командует Ирина, и вся группа как подкошенная валится на склон, с размаху втыкая лезвие ледоруба в снежный наст.

– Хорошо! Молодцы! – комментирует этот массовый перформанс Ирина. – Только ноги не забываем сгибать в коленях!.. Так, встали! Ещё рэзочек!.. Приготовились!.. Срыв!!..

К обеду возвращаемся в базовый лагерь слегка утомлённые и изрядно промокшие от снега, набившегося под куртку при многочисленных падениях.

– Сейчас все переодеваемся и – на обед, – распорягается наш куратор. – А потом отдыхать. И завтра тоже отдыхать. Ваша программа на ближайшие сутки простая: есть и спать. Набирайтесь сил. Вам, можно сказать, повезло – Эльбрус даёт вам лишние сутки на отдых.

Ну что ж, раз начальник сказал «повезло» – значит, повезло. Переодеваемся и идём в столовую – претворять в жизнь первую половину озвученной куратором программы.

Обед нынче отличается особым аскетизмом: суп из рыбных консервов и чай.

Бредём обратно в вагончик, залезаем на койки и пытаемся осуществить вторую часть программы. Но сон не идёт – желудок уже через час после обеда начинает требовать «продолжения банкета». Лежим, ворочаясь с боку на бок. В животе урчит всё настойчивей.

В конце концов, низменные инстинкты побеждают голос разума – мы дружно слезаем со своих «шконок» и отправляемся в расположенное неподалёку кафе, где, как нам донесла разведка, потчуют посетителей настоящим мясом.

Чуть ли не наперегонки врываемся в кафе и, жадно лоя носом аппетитнейшие запахи, доносящиеся с кухни, делаем заказ.

Знаете ли вы, как пахнет полная тарелка настоящих кавказских мантов? А знаете, каковы они на вкус? Особенно после жёсткой «углеводной» диеты. Нет, товарищи, диеты диетами, а мясо – это мясо, что бы там ни утверждали сторонники вегетарианской пищи.

Уминаем по шесть штук отборных мантов и удовлетворённо откидываемся на спинки стульев. Ну вот, теперь жить можно. Теперь мы до ужина точно доживём.

– Никита, на ужин пойдёшь? – интересуется у товарища Игорь. – Там Ирина обещала тебе лишнюю порцию перловки выделить.

– Чувствую, я в этом кафе скоро политическое убежище попрошу, – сыто цыкая зубом, отзывается Никита.

Возвращаемся в вагончик и снова пробуем уснуть, и снова сон не идёт. Среди молодёжи вновь возникает дискуссия о способах достижения вершины: следует ли идти весь маршрут пешком или всё-таки стоит прибегнуть к помощи ратрака? Мы с Аллой в спор не вмешиваемся – для себя мы уже всё решили.

На улице тем временем разыгрывается настоящее светопреставление. Сразу несколько грозовых туч атакуют склоны Эльбруса. В окно вагончика лупит то дождь, то град. Ветер усиливается до штормового – при открывании дверь вагончика буквально вырывает из рук. Простое посещение туалета, что стоит метрах в десяти выше по склону, превращается в непростое и не очень приятное путешествие.

Долго решаем, стоит ли идти по такой погоде в столовую? Но тут на улице слегка распогоживается, и спорный вопрос решается сам собой. Впрочем, ничего нового нас в столовой не ждёт. Вновь «углеводы» и вновь пшёнка. «Углеводное» меню пошло на второй круг.

Почти сразу после ужина ложимся спать, напряжённо прислушиваясь к бушующему за стенками вагончика ненастью. Что день грядущий нам готовит?..

Дни седьмой и восьмой. Эльбрус

Разумеется, выспаться опять не удалось – четыре часа сна, пунктиром размазанные по всей ночи. Правда, утро обошлось без головной боли. Ну, и на том спасибо.

Погода к утру немного наладилась, но всё ещё непригодна для восхождения. Заряды дождя сменяются редкими проблесками солнца. Ветер несколько ослаб, во всяком случае, выходя из вагончика, уже не рискуешь улететь вслед за распахнувшейся от внезапного порыва дверью.

Между завтраком и обедом коротаем время за разговорами, чаем и попытками уснуть.

Заглядывает удивлённая Ирина: в список на восхождение пешком от Гара-Баши записалось аж четырнадцать человек. Трое едут ратраком до 4700, восемь человек – до 5100. Удивление Ирины понятно – обычно пропорция обратная: человека три-четыре желают достичь вершины, полагаясь лишь на собственные силы, а остальные пользуются услугами «горных извозчиков».

– Необычная группа, – уходя, пожимает плечами Ирина...

После обеда все усиленно стараются уснуть – ночь предстоит бессонная, и хочется хоть немного набраться сил. Но провалиться в сон удаётся не больше чем на час.

К ужину становится ясно, что восхождение состоится – ветер почти полностью стихает, солнце садится чистое. Настроение в группе резко идёт вверх.

После плотного, «штурмового», ужина – «о, боги! макароны с сосисками! ущипните меня!..» – начинаем укладывать рюкзаки и подгонять экипировку.

Я первым делом тщательно заклеиваю лейкопластырем свои мозоли.

По два-три раза проверяем укладку рюкзаков. Любая мелочь – забытые «верхонки», неплотно завинченная крышка термоса, севшие батарейки в фонарике – всё может стать причиной неудачи на восхождении.

В начале десятого, когда сборы в самом разгаре, в вагончике появляется Ирина с тонометром в руках – стартовый медосмотр. Все взволнованы, все «в запарке», поэтому давление у всех немного повышенное. Впрочем, почти у всех в пределах нормы. Почти. Два человека «выдают на гора» давление под двести. Для исключения приборной ошибки следуют четыре замера с интервалом в пять минут. Ни один замер ниже 180 не показывает.

– На гору вы не идёте, – твёрдо говорит несчастливцам Ирина.

Один из них как-то сразу снимает, но второй, Олег из Магадана, начинает «качать права»:

– Я платил деньги! Вы должны обеспечить мне восхождение на гору!

Ирина непреклонна.

– Мы не имеем права за ваши деньги отправлять

вас на верную смерть. Поймите, восхождение с таким давлением почти гарантированно вас убьёт!

– Я взрослый человек! Я сам отвечаю за себя! А вы, между прочим, подписывали договор, где гарантировали мне восхождение на Эльбрус!

– Вы, кстати, тоже подписывали договор, в котором чёрным по белому сказано: организаторы имеют право в любой момент восхождения снять клиента с маршрута по медицинским показаниям.

– Я буду жаловаться!

– Это ваше право, – пожимает плечами Ирина.

– Короче, с вами или без вас, а я всё равно пойду на Эльбрус! – отчеканивает Олег.

– И это ваше право, – терпеливо соглашается Ирина. – Но учтите, что в этом случае наша турфирма не отвечает ни за вашу безопасность, ни за ваши здоровье и жизнь.

Олег хмыкает.

– Если со мной что-нибудь случится на горе, вы всё равно будете отвечать. До конца срока действия контракта я ваш клиент.

Ирина качает головой.

– Если вы выйдете на маршрут самостоятельно, без группы и нашего инструктора, вы автоматически становитесь самостоятельной единицей, «диким туристом». О чём я немедленно сообщу в штаб горноспасателей и оперативному дежурному МЧС.

– Ну и сообщайте! – Олег выходит, хлопнув дверью.

В скобках отмечу, что Олег всё-таки предпринял попытку самостоятельного восхождения, но был вынужден с высоты 4900 повернуть назад из-за резкого ухудшения самочувствия.

Итак, нас теперь двадцать три.

В 21.50 выходим на построение. Всё небо в звёздах. Половинка растущей луны висит над Донгуз-Оруном, серебря его ледяную шапочку. Ветра почти нет. Похоже, нам повезло – погода идеальна для восхождения.

Последняя проверка экипировки, и в 22.00 трогаемся. С нами идут четверо инструкторов. Все незнакомые – они только накануне поднялись в базовый лагерь из Терскола. Фотограф Дэн поднимется с группой «ратратчиков» на 4700. А с Ириной мы встретимся только на 5100, куда она доставит вторую партию любителей тряской езды. В целом наше восхождение будут обеспечивать шестеро инструкторов. Таков норматив: не менее одного гида на четверых клиентов.

Впереди нас уже идут несколько групп. Гирлянды их фонариков расцвечивают маршрут, создавая немного праздничную обстановку.

На границе снегов надеваем «кошки».

Здесь становится почти совсем светло – луна хоть и половинчатая, но светит ярко, и на фиолетовый снег справа от нас отчётливо ложатся наши длинные чёрные тени.

До «Приюта одиннадцати» доходим неожиданно быстро – меньше чем за два часа. Остановка здесь на этот раз совсем короткая – глотнуть воды да кому надо поправить снаряжение.

Незаметно переваливаем за полночь. Спать совсем не хочется. Наоборот, все пребывают в каком-то слегка возбуждённом состоянии. Много шуток и дружеских подначек.

Впрочем, шуточки и разговоры быстро сходят на нет, когда начинается «крутяк» перед скалами Пастухова. Все втягиваются в уже привычную работу: вдох-выдох – шаг... вдох-выдох – шаг... левая палка – правая нога... правая палка – левая нога...

Луна рыжеет и валится за гребень горы. Сразу становится темнее. Зато в звёздах над головой как будто кто-то прибавил света. Кажется, можно протянуть руку и снять с чёрного бархата неба любую из них.

В ночном восхождении есть своя прелесть – не приходится часто смотреть вперёд: а сколько там ещё осталось? Смотри не смотри – всё равно ни черта не видно. Остаётся просто монотонно идти, освещая фонариком пятки впередиидущего.

Один за другим нас обгоняют два ратрака. И неожиданно близко от нас останавливаются. Опаньки! Так ведь это уже 4700! Время 02.30. Хорошо идём!

На 4700 к нам присоединяются ещё три человека из нашей группы и Дэн. Для Дэна пока работы нет – темно.

Пьём чай и даже съедаем по бутерброду – аппетит, в отличие от позавчерашнего выхода к скалам Пастухова, присутствует. Наверное, потому, что ночь и не так жарко. Хотя спина всё равно мокрая.

Трогаемся. Дальше для нас начинается терра инкогнита – выше 4700 никто из нашей группы не поднимался. Разумеется, кроме инструкторов.

Вслед за недлинным выполаживанием снова начинается крутой подъём. Вновь переходим к движению галсами.

Идти становится заметно труднее. Воздух в лёгких то и дело заканчивается, и тогда приходится делать остановку на «гипервентиляцию». Всё это заметно тормозит движение группы.

Справа небо над гребнем горы начинает заметно зеленеть.

А подъём всё тянется и тянется с прежней крутизной. Он кажется бесконечным, в отличие от наших сил – они тают, как рафинад в стакане горячего чая.

Чаю, к слову, с каждым шагом хочется всё сильнее – во рту пересохло, горло при попытке сглотнуть продирает, словно наждаком.

На очередной смене галса оборачиваюсь и смотрю вниз: множество гирлянд голубоватых огоньков движутся вслед за нами. Пытаюсь сосчитать: одна, две, три, четыре, пять, шесть... ниже – ещё три или четыре. Рядом останавливается старший инструктор Андрей.

– Как самочувствие? – интересуется он.

– Нормальное.

– А чего остановились?

– Да вот, – показываю я рукой, – похоже, весь Гара-Баши сегодня вышел на восхождение.

Андрей тоже смотрит вниз.

– Ну что ж, ничего удивительного – погода нынче идеальная.

Я киваю. Действительно, с погодой нам, похоже, очень повезло.

– Часто такая бывает? – интересуюсь у Андрея.

Он качает головой.

– От сезона зависит. В прошлом году, например, за весь июль на вершину вообще не поднялось ни одной группы – не было погоды. А потом – как прорвало. В этом году погода постабильней... – и, показывая вверх по склону, спрашивает меня: – Ну что, тронулись?

– Тронулись...

И снова подъём бесконечными галсами. И снова «пожар» в лёгких. И снова пятки впереди идущего в свете налобного фонарика.

Кстати, свет этот стал заметно тусклее – вокруг явно посветлело; небо справа над гребнем уже не зеленоватое, а жёлто-розовое. Звёзды остались только слева. На юге из тьмы – пока неясными контурами – начали проступать вершины Большого Кавказского хребта.

Один за другим нас обгоняют несколько ратраков. Добрый знак – значит, отметка 5100, куда едут они, уже не так далеко. Смотрю вверх по склону: гирлянды фонариков там рассыпались поперёк склона – ага! значит, бесконечный «тягун» вот-вот закончится!

Ещё несколько галсов, и мы выходим на почти горизонтальную площадку размером с половину футбольного поля. 5100!

Здесь многолюдно. Сразу несколько групп расположились на привал. Тарахтят двигатели ратраков. Они привезли сюда десятка три «восходителей», но уезжать не торопятся – водители знают, порожняком они отсюда не пойдут.

И действительно, именно здесь, на 5100, остаются те, кто «наелся» горой. Те, кто понял, что им не осилить дальнейшего пути наверх. В нашей

группе таких набирается пять человек. Причём любопытно, что один из этих пятерых поднялся ратраком до 4700. Это уже знакомый нам «офисный атлет», любитель ресторанных загулов. Четырёхсот метров по вертикали ему с лихвой хватило, чтобы понять, что реальная гора – это отнюдь не фитнес-клуб. Пусть даже и элитный. «Атлет», ни на кого не глядя, забирается в кузов ратрака и садится спиной к горе. Вряд ли он здесь появится ещё раз.

Время: 04.50. Сидим на краю площадки, свесив обутые в «кошки» ноги вниз, пьём чай и любимемся рассветом Солнце ещё где-то за Эльбрусом, но уже совсем светло. Накратау, Донгуз-Орун и оба Когутая, уже различимые во всех деталях, стоят напротив нас по пояс в облаках. Далёкая Ушба прячется в дымке и напоминает сидящую спиной к нам собаку с чутко поднятыми ушами.

– Поднимаемся! Выходим!..

Снова выстраиваемся в цепочку. Она стала заметно короче – всего восемнадцать человек.

Преодолеваем недлинный, но крутой «взлёт» и выходим на «косую полку». Мы уже слышаны о ней, причём то, что мы слышали, особого оптимизма не внушает. И вот мы идём по ней своими ногами.

На высоте 5200 путь на гору «в лоб» заканчивается и начинается длинный траверс влево – со склона Восточной вершины, огибая её по часовой стрелке, – на межвершинную седловину. Это и есть «косая полка». Сам подъём по ней совсем не крут – градусов десять-пятнадцать, но сложность состоит в том, что траверс, огибая гору, проходит по её склону, крутизна которого доходит до пятидесяти градусов. Маршрут идёт по узкой, не шире полуметра, тропе, поэтому двигаться приходится практически без остановок – мест для более-менее кратковременного отдыха, а тем паче для привалов, на «косой полке» попросту нет.

А высота уже больше пяти километров, и «горняшка» наваливается на нас всерьёз. Уже через полчаса непрерывного движения по «полке» начинают слабеть ноги; картинка перед глазами при резком повороте головы ощутимо «плывёт»; то и дело возникают и начинают танцевать на снегу мелкие зелёные «мушки».

Инструкторы озабоченно переходят от одного клиента к другому.

– Как самочувствие?.. Идти дальше можешь?..

Несмотря на предобморочное состояние, не можем не любоваться восходом. Самого солнца мы пока не видим, оно по-прежнему прячется за спиной Эльбруса, но лучи его уже осветили вершины

стоящих напротив нас (и уже гораздо ниже нас!) гор. Ослепительно розовым светом полыхает ледяная «шапочка» Донгуз-Оруна. Мириадами светлячков – белых, голубых, жёлтых, оранжевых – искрятся ледники на вздымающихся из белоснежной облачной перины крутых склонах. Горизонт правее Накратау закрыт густой белёсой дымкой, поднимающейся чуть ли не до середины неба, и вдруг на ней, как на гигантском экране, возникают исполинские островерхие контуры – это тени небольших горных пиков, невидимых нам за восточным гребнем Эльбруса. Младшие безмянные братья известных гор внезапно, по повелению встающего солнца, вознеслись выше своих гордых соплеменников. Это длится всего несколько минут, но это – минуты их славы, их неожиданного утреннего триумфа!.. Граница света и тени неспешно ползёт вниз по склонам гор и наконец достигает лежащих в долине облаков. И прямо на глазах облака эти начинают таять: толстая бугристая перина истончается, превращаясь сначала в слегка волнистое одеяло, а потом и вовсе – в тонкую белесоватую простынку, сквозь которую то там, то тут уже просвечивают контуры лежащих ниже склонов Чегета и Азау...

Примерно посредине «полки», через час пути, кто-то садится в снег – кончились силы. Группа останавливается. Подошедшие инструкторы под руки поднимают ослабевшего.

– Всё, ты – вниз! Без разговоров!.. Так, кто ещё хочет вниз? Кто больше не может идти?..

Двое молча поднимают руки. Трое «наевшихся горой» разворачиваются и в сопровождении инструктора идут обратно. Делаем шаг в сторону, чтобы пропустить их. Сочувственно смотрим вслед. Кто будет следующим?..

Продолжаем движение. «Полка» кажется бесконечной. То и дело останавливаемся и, делая шаг в сторону, пропускаем небольшие группы спускающихся. Это – «наевшиеся» из других, идущих впереди нас, групп...

Идти всё тяжелее. Те, кто доехал ратраком до 5100, выглядят свежее. Постепенно они уходят вперёд. С ними уходит и Оля из Белгорода, шедшая с нами от самого Гара-Баши. Она идёт легко, как будто бы вовсе не чувствуя никакого высокогорья. Да, воистину, есть женщины в русских селеньях!..

Мы с Аллой и идущая с нами Оксана из Минска понемногу отстаём. Разрыв между нами и впередиидущими всё заметней. Инструкторы, посоветовавшись, окончательно делят группу на две части. Двое гидов уходят вперёд с первой частью группы, двое остаются с нами.

Идём.. Перед глазами кружат мушки. С трудом переставляю ватные ноги, лишь следя, чтобы «кошки» не зацепились одна за другую... Вдох-выдох – шаг... Вдох-выдох – шаг... Правая палка – левая нога... Левая палка – правая нога...

Я иду позади Аллы и отчётливо слышу её тяжёлое дыхание. Если уж мне настолько трудно, то каково тогда ей?!..

– Как самочувствие?.. Идти дальше можешь?..

Это, оказывается, меня спрашивают. Молча киваю головой. Но этого мало.

– Нормально... – с трудом выдавливаю из себя. – Могу...

Инструктор внимательно смотрит мне в лицо, потом, удовлетворённо кивнув, отходит...

«Полка» постепенно заворачивает к северу, и за поворотом открывается седловина. Граница света и тени делит её пополам. На солнечной половине россыпь чёрных точек – «лежбище тюленей» – несколько десятков альпинистов, отдыхающих перед последним участком восхождения.

Из седловины прорывается пронизывающий ветер. Тут же начинают мёрзнуть руки в шерстяных перчатках. Торопливо натягиваю «верхонки».

Вдох-выдох – шаг... Вдох-выдох – шаг... Левая палка – правая нога... Правая палка – левая нога...

Ветер дует так, словно за седловиной находится гигантская труба, протянута сюда напрямиком из Арктики. Начинают ощутимо застывать ноги ниже пуховой куртки: бёдра, колени, икры... Зато лёгкие «горят» так, словно в каждое из них всыпали по пригоршне раскалённых углей...

Седловина всё ближе. Её солнечная сторона манит своим кажущимся пляжным теплом. Начинаю дико завидовать отдыхающим там людям.

Ещё один из нашей группы проходит мимо нас вниз – здоровенный парень, косая сажень в плечах – но тоже «наелся» горой. Его прямо-таки мотает из стороны в сторону. Сопровождающий его инструктор озабочен – не свалился бы клиент прямо тут, возни потом с ним не оберёшься, ведь весу в нём не иначе центнер с лишним.

И вдруг «полка» кончается. Впереди небольшой пологий спуск в седловину. Неужели дошли?!

Медленно бредём до солнечной стороны и тяжело опускаемся в снег. Пить, пить, пить!.. Термос с горячим чаем опустошается чуть ли не за минуту. С трудом впихиваю в себя пару кусочков шоколада – не хочется, но надо!

Рядом с нами возникает старший гид Андрей.

– Куда идёшь – вверх или вниз? – требовательно спрашивает он каждого.

– Вверх, – с трудом выдавливаю я из себя.

– Вниз, – выдыхает Оксана.

Алла медлит. Я вижу, что она устала до предела. Даже сейчас, уже спокойно сидя на снегу, уже попив чаю, она продолжает тяжело дышать.

– Вверх или вниз? – продолжает допытываться Андрей.

– А можно немножко отдохнуть? – спрашивает Алла.

– Нет, – категоричен Андрей. – Здесь нельзя отдохнуть. Пойми, на такой высоте ты только зря расходуешь силы. А они тебе ещё понадобятся на спуск... Так что решай прямо сейчас – вверх или вниз?..

Алла медлит с ответом. Она смотрит на крутой снежный «взлёт», начинающийся в ста метрах впереди.

Отсюда, с седловины, «вторая косая полка» выглядит просто-таки угрожающе. Она кажется практически вертикальной, и муравьиные цепочки восходителей, неосутимо медленно карабкающиеся по ней, лишь усиливают это впечатление. Я понимаю, что Алле в её теперешнем состоянии «вторую косую» не одолеть. И я вижу, что она тоже понимает это.

– Ты молодец! – говорю я ей. – Ты дошла до седловины! Посмотри, сколько народу повернули назад с полпути. Ты и так сделала больше, чем могла.

Алла медлит. Я знаю, о чём она думает.

Можно, конечно, попробовать заползти наверх, как говорится, «на зубах», на одних только морально-волевых качествах, которых у Аллы с опытом хватит на три таких горы. Но в этом случае есть опасность того, что понукаемый сверхмеры организм в какой-то момент просто возьмёт и «выпадет в осадок». И Алла осознаёт, что, если она потеряет сознание на тропе, она не только сама останется без горы, она в этом случае безоговорочно лишит горы и меня.

И Алла принимает непростое решение.

– Хорошо... – говорит она. – Я иду вниз...

Идущих вниз трое. Остальные уже ушли к вершине. Со мной наверх отряжают Ислама. Это молодой парень лет двадцати пяти, из местных балкарцев. Несмотря на молодость, он уже опытный гид.

Я перекладываю в Аллин рюкзак всё лишнее: пустой термос, контейнер с несъеденными бутербродами, две плитки шоколада, запасные батарейки к фонарикам, две пластиковые пол-литровые бутылки – с замёрзшей кока-колой и с замёрзшей водой. С собой беру лишь маленький пол-литровый термос с чаем.

Ощутимо припекает солнце. Снимаю пуховую куртку и вместе с «верхонками» запикиваю в рюк-

зак. Обильно мажусь солнцезащитным кремом.

– Ну что, вы готовы? – спрашивает меня Ислам.

– Сейчас...

Мне надо сделать ещё одно важное дело – справить малую нужду. Здесь, на открытой всем ветрам снежной равнине, изысков для этого не требуется. Мужчинам проще – достаточно сделать пару шагов в сторону и повернуться к публике спиной. Женщинам сложнее. Вот одна альпинистка отходит метров на десять в сторону, расстёгивает куртку, спускает штаны и приседает на снег. Публика деликатно отворачивается.

– Всё, я готов, – докладываю гиду.

Он скептически оглядывает меня.

– Готовы?.. Ну что ж, пошли.

Берём в правую руку палку, в левую – ледоруб и трогаемся в путь. Вторая палка, воткнутая в снег, остаётся дожидаться нас тут. Она ещё пригодится нам на обратном пути.

Сразу за седловиной начинается крутой, не менее сорока пяти градусов, склон. По нему, огибая гору против часовой стрелки, идёт узкая тропа. Это «вторая косая полка». Она не такая длинная, как первая, но имеет гораздо большую крутизну.

Начинаем взбираться вверх. Боковой скос здесь таков, что ледорубом, который намного короче палки, я спокойно опираюсь на склон. Метров через сто, там, где склон справа перестает заканчиваться седловиной, а свободно обрывается вниз, начинаются перила.

Перила – это обычная девятимиллиметровая альпинистская верёвка, протянутая стандартными сорокаметровыми отрезками между вбитыми в склон мощными шлямбурами.

Прицепляемся карабинами к перилам и продолжаем путь.

В какой-то момент я понимаю, что могу идти быстрее. Дыхание моё становится более свободным, лёгкие перестают «гореть». Похоже, у меня открылось «второе дыхание», о котором нам много говорили инструкторы. Перехожу с ритма: «вдох-выдох – шаг» на ритм: «вдох-выдох – шаг-шаг». Ислам, вначале то и дело оглядывавшийся на меня, теперь спокойно шагает впереди. Я чуть ли не наступаю ему на пятки. Двигаемся вперёд, останавливаясь лишь для того, чтобы перецепить карабины на следующую верёвку.

Через пять или шесть верёвок замечаем слева небольшой, буквально два на два метра, относительно пологий пятачок.

– Передохнём? – спрашивает Ислам.

Я не возражаю.

Садимся в снег и жадно пьём чай.

Метрах в десяти выше нас проходит вторая линия перил – для спускающихся с горы. Вдоль неё движется несколько групп.

Внезапно прямо над нами один из спускающихся альпинистов теряет равновесие и падает через перила на склон головой вниз.

– Срыв!!.. – кричат сразу несколько голосов.

Вся группа как подкошенная падает животами на снег и надёжно зарубается ледорубами. Похоже, не нас одних учили правилам самоспасения.

Упавшему помогают подняться и забраться обратно на тропу. С ним всё в порядке.

Продолжаем подъём. Темп у нас сейчас очень хороший, и мы легко обгоняем несколько групп восходителей, тяжело шагающих в гору.

Перила заканчиваются. Дальше идёт недлинное выполаживание, переходящее в ровную площадку размером с футбольное поле. Сразу за ним виден невысокий конус вершины.

Навстречу идёт группа. Это – наши.

– Взошли?

– Взошли!

– Поздравляю с горой!

– Спасибо!..

Меня ободрительно хлопают по плечам.

– Молодец, дядя Вова!.. Давай-давай, работай!.. Совсем немного осталось!..

Подходит Оля. Несмотря на то что она идёт вниз, Оля движется очень медленно – тяжело, с хрипом дыша. Всё-таки «горняшка» добралась и до неё.

– Поздравляю с горой!

– Спа... Спасибо...– Оля грузно опирается на палку. – И тебе... удачно взойти.

– Что, совсем плохо?

Оля пытается улыбнуться.

– Ничего... Справлюсь... Где... Где только наша не пропадала.

Шутит. Значит, пока не всё так плохо.

– Потерпи, – пытаюсь приободрить я её. – Главное – дотянуть до 5100. Там ратраки.

Оля слабо кивает.

Расходимся...

Ровная площадка упирается в очередной крутой подъём – это уже предвершинный «взлёт». Он совсем небольшой – буквально несколько метров, – но я останавливаюсь, чтобы собраться с силами.

На вершине стоят несколько человек. Видя мою заминку, начинают подбадривать:

– Ну же! Ещё одно усилие!..

– Давай, парень! Ты сможешь!..

Но я и так знаю, что смогу.

Делаю «гипервентиляцию» и методично, шаг за шагом, преодолеваю подъём.

Вот она, вершина! Время: 09.40.

Площадка на вершине совсем небольшая – диаметром семь-восемь метров. На её северо-восточном краю геодезический знак и табличка: «ELBRUS 5642 м». К геодезическому знаку привязаны многочисленные цветные ленточки, шарфики, карабинами пристёгнуты верёвки с нанизанными на них вымпелами.

Ислам крепко жмёт мне руку. Взгляд его теперь вполне уважительный.

– Поздравляю с горой!

– Спасибо...

Втыкаю палку в снег, снимаю рюкзак, извлекаю из кармашка флаг и цепляю его на рукоятку ледоруба. Полотнище разворачивается и начинает щёлкать на ветру.

– Красивый флаг, – одобрительно замечает один из стоящих на вершине альпинистов. – Это чей же такой?

– Город Андреаполь.

– О, так вы из Греции?

Я улыбаюсь.

– Нет, это Россия. Самый запад Тверской области. Валдай.

– Даже никогда не слышал, – удивляется себе-седник. – Андреаполь. Надо же! Красивое название. Надо запомнить.

Ну вот, ещё кто-то открыл для себя Андреаполь. Любопытно, что случилось это на вершине Эльбруса.

Лезу во внутренний карман, достаю телефон и протягиваю Исламу.

– Сфоткай меня.

Ислам послушно берёт телефон и фотографирует меня: сначала у таблички, а затем на противоположном краю вершины – на фоне Большого Кавказского хребта. Отсюда он вовсе не кажется большим. Все те горные исполины, на которых мы ещё совсем недавно смотрели, задрав голову, с вершины Эльбруса выглядят невзрачными плюгавыми карликами, совершенно теряясь среди десятков и сотен других гор и хребтов.

Прислушиваюсь к себе, пытаюсь уловить в душе что-то типа восторга или, к примеру, какой-нибудь запредельной радости, но чувства притупились, и кроме безмерной усталости не ощущаю ничего. Впрочем, пожалуй, присутствует ещё и чувство удовлетворённости от хорошо сделанного большого дела.

Ислам деликатно молчит, но я понимаю, что засиживаться на вершине не стоит. Во-первых, силы здесь действительно тают с каждой минутой. А во-вторых, снизу подходит очередная группа восходителей – человек десять-двенадцать – и через пару минут на вершине станет просто тесно.

Прячу телефон и флаг, вдеваюсь в рюкзак, и мы начинаем спуск.

– Извините, а сколько вам лет? – интересуется мой гид.

– Пятьдесят семь.

– Ого! – изумляется Ислам – Так вы ровесник моего отца!

– А твой отец ходит в горы?

– Нет, – качает головой Ислам. – Он погиб. Давно. Уже лет двадцать назад... Автомобильная авария, – подумав, уточняет он.

– Извини... А у тебя это какое восхождение?

– Не знаю, – откликается Ислам. – Я до пятидесяти считал, потом бросил.

Я уважительно молчу.

– Работа такая... – через паузу добавляет мой гид.

За разговором пересекаем предвершинную равнину и выходим к перилам. Спуск по «второй косой» оказывается неожиданно скор.

В седловине по-прежнему «лежбище тюленей». Останавливаемся, чтобы попить чаю.

Рация на плече Ислама неожиданно оживает.

– Ислам, вы где?

– В седловине, – откликается Ислам и коротко докладывает: – Взошли. Идём вниз.

– Ух ты! – радуется рация. – Молодцы! Если поспешите, нагоните нас на 5100.

Ислам вопросительно смотрит на меня.

– Поторопимся?

– Отчего нет, – соглашаюсь я – «второе дыхание» во мне ещё не иссякло, и я готов шагать и шагать вниз.

Выходим на «косую полку». Ислам идёт быстро, ритмично работая палками. Я стараюсь не отставать. По пути обгоняем несколько медленно двигающихся групп. «Косая полка» неожиданно заканчивается. Почему она казалась мне такой длинной, когда я шёл вверх?!

Внизу отчётливо видим площадку на отметке 5100. Там столпотворение людей и машин. Сразу несколько ратраков молотят двигателями в ожидании клиентов. Ветер доносит до нас тошнотворно-сладковатый соляренный выхлоп.

Спуск к отметке 5100 крут, и, ступив на него, я неожиданно вспоминаю о своих мозолях – ботинки немилосердно начинают давить на старые раны.

На площадке догоняем «хвост» нашей группы – пятерых взошедших перед нами на вершину. Тут же топчутся наши гиды – Ирина, Андрей и Дэн.

– Кто на ратрак – грузимся! – распоряжается Ирина.

Пятеро лезут в кузов.

– А вы?

– А я – пешком, – отвечаю я.

Ирина оценивающе оглядывает меня.

– Успеете?

– Постараюсь.

Ислам смотрит на меня уже не просто уважительно, а почти восторженно, крепко жмёт руку и идёт к ратраку. В сопровождение мне выделяют Дэна.

– Надо торопиться, – говорит мне Дэн. – Отсюда до Гара-Баши около четырёх часов хода. Это если в хорошем темпе...

Дело в том, что нам необходимо сегодня освободить вагончики базового лагеря для следующей группы восходителей. А «креселка» работает только до 15 часов. Если опоздать к этому времени, то придётся спускаться пешком до станции «Мир». Она закрывается в 17.00. А уж если не добраться вовремя и туда – топтать ножками придётся аж до самого Терскола.

Начинаем спуск. Дэн идёт налегке – без своего громоздкого фотоаппарата, без рюкзака и даже без палок. Он молод, лёгок и длинноног. Он шагает широко, размашисто, с каждым шагом уходя вниз по склону чуть ли не на целый метр. Я стараюсь не отставать, но чувствую, что заданный темп мне не под силу. Полуденное солнце жарит всю, и я обливаюсь потом. К тому же при каждом шаге потёртости на ногах отзываются резкой обжигающей болью.

Где-то на отметке 4800 я не выдерживаю.

– Стоп! – окликаю я ушедшего вперёд Дэна. – Десятиминутная забастовка!..

Я плюхаюсь в снег, стаскиваю с себя шапочку, перчатки, расстёгиваю насколько возможно ветровку и флиску под ней. Прохладный ветерок приятно обдувает моё разгорячённое лицо, проникает за пазуху. Дышу!.. По-хорошему следовало бы, конечно, снять ботинки и по новой заклеить мозоли лейкопластырем. Но времени на это нет. Выпиваю остатки чая, вытряхиваю на ладонь кусочек лимона и с наслаждением жую его. Прячу пустой термос в рюкзак. Всё! На оставшиеся три с лишним часа пути у меня нет ни капли воды.

Встаю. Иду. Острая боль в потёртых ногах постепенно притупляется.

Движемся вдоль скал Пастухова. Они всё тянутся и тянутся слева от нас.

Солнце печёт всё немилосердней. Снежный наст под ногами проседает и тает прямо на глазах.

В конце скал Пастухова делаю ещё одну передышку.

Впереди лежит длинное и относительно пологое поле, но снежным назвать его как-то не поворачивается язык – полуденный жар превратил снег в

крупнозернистую раскисшую кашу. Ступаем в неё и сразу же проваливаемся выше щиколоток. Но как ни странно, это не затрудняет движение. Даже, пожалуй, наоборот – теперь при каждом шаге нога, обутая в «кошку», уже не цепляется намертво за грунт, а вместе с раскисшим снегом проезжает вниз по склону на добрых полметра. Самое главное при такой ходьбе – не сесть на «шпагат».

То тут, то там склон пересекают ручьи, бегущие с горы в долину. Поначалу я пытаюсь перешагивать или перепрыгивать через них, но вскоре мне это надоедает, и я продолжаю путь, уже не разбирая дороги, местами проваливаясь в снежно-водяную кашу чуть ли не по колено. Ноги пока остаются сухими – выручают надетые поверх ботинок непромокаемые гамаши.

Хочется пить. Во рту сухо и горько. А горло как будто присыпано толчёным стеклом – каждая попытка глотнуть отдаётся острой режущей болью.

Мимо нас, далеко разбрызгивая снег и воду, то и дело проносятся ратраки: вверх – почти все пустые, вниз – до отказа заполненные жизнерадостными «восходителями». Завидовать не получается – оказывается, даже на это нужны силы...

Минуем «Приют одиннадцати». 4100. Время 13.05.

Вот и граница снегов. Отвязываю «кошки» и вешаю их на рюкзак.

Первый же шаг на скальный грунт отзывается острой болью в потёртостях. Сцепляю зубы и, стараясь не хромать, иду за Дэном.

Даже сейчас, спустя много дней после восхождения, я, пожалуй, не смогу со всей определённости сказать, когда мне было труднее – на подъёме в гору или на этом бесконечном, выматывающем, мучительном спуске...

300 метров до Гара-Баши... 200... 100...

Пришли!

Вваливаюсь в вагончик. Он почти пуст. Ко мне бросается Алла.

– Взошёл?!..

Я киваю и, разинув рот, тычу в него пальцем: пить! Алла хватает со стола бутылочку кока-колы и протягивает мне. Осушаю её, кажется, одним глотком. Ещё!.. После второй бутылки ко мне возвращается дар речи.

– Взошёл.

Алла обнимает меня.

– Поздравляю!

– Спасибо... Где все?

– Перетаскивают вещи к подъёмнику.

Я смотрю на часы – 14.35. Расслабиться некогда. Наши рюкзаки уже упакованы и стоят у выхода – Алла времени зря не теряет.

С наслаждением стаскиваю с ног опостылевшие «колодки» высотных ботинок и с грохотом швыряю их на пол. На термоносках на местах потёртостей проступают бурые кровавые пятна. Но заниматься ими некогда – потом, потом. Переобуваюсь в свои разношенные походные ботинки, которые после высотных «колодок» кажутся мне почти невесомыми. Горные ботинки с трудом впихиваю в уже раздувшийся от поклажи рюкзак.

Подымаем на плечи тяжеленные грузовые рюкзаки, малые штурмовые берём в охапку и в таком виде ковляем к подъёмнику.

Здесь вовсю идёт погрузка.

Ставим грузовые рюкзаки на движущиеся пустые кресла, сами со штурмовыми садимся в следующие.

Чёрно-рыжие скалы Гара-Баши уплывают из-под наших ног.

Вниз-вниз-вниз!..

День последний. Отъезд

Самое отвратительное изобретение человечества – будильник.

Кажется, лишь минуту назад моя щека коснулась подушки, а настойчивое курлыкание уже безжалостно извлекает меня из сладкого сна. Хотя на самом деле мы проспали почти десять часов.

Накануне, спустившись с горы и сдав снаряжение, мы, проигнорировав ужин, сразу же отправились в гостиничный номер, где, приняв душ, тут же завалились спать.

Время 06.30. На 07.00 назначен завтрак.

Кое-как разлепляем глаза и выбираемся из-под одеяла. Все мышцы болят.

– У тебя тоже такое ощущение, будто вчера тебя семеро топтали ногами? – спрашивает меня Алла.

– Тоже, – соглашаюсь я. – Причём все семеро были слонами.

Кряхтя, умываемся, кряхтя, одеваемся и, кряхтя, ползём на завтрак.

В столовой нас встречает бодрая Ирина. Она торжественно вручает мне официальный сертификат восходителя.

– Поздравляю! – трясёт мне руку Ирина. – Вы установили рекорд нашего турагентства! Из всех наших клиентов, взошедших на Эльбрус, вы – самый возрастной!..

Присутствующие аплодируют. Оказывается, я единственный из нашей группы, кто получает сертификат восходителя, то есть единственный, кто прошёл всю гору: и вверх, и вниз – своими ногами.

Мы благодарим Ирину за «заботу и ласку», наскоро завтракаем, наскоро прощаемся со своей группой и идём собираться.

Минут через тридцать мы уже выезжаем из Терскола.

Дорога вьётся среди живописных скал, то и дело перепрыгивая через бурноводный Баксан. Машина катится под уклон легко, без напряжения. Мне лишь изредка приходится её слегка притормаживать – то перед крутым поворотом, то, чтобы объехать стоящую в задумчивости прямо на дороге корову.

Одно за другим убегают назад большие горные сёла с колоритными балкарскими, а может, кабардинскими названиями: Тегенекли... Тырныуз... Жанхотеко...

Мы молчим. Переполняющие нас впечатления ещё не перегорели до словесной золы.

Постепенно к нам приходит осознание значимости совершённого нами. Значимости для нас. Мы понимаем, что восхождение на Эльбрус станет для нас не просто очередным приключением, пусть даже и сверхинтересным. Оно станет знаковым событием нашей жизни, неким водоразделом, заставляющим делить её, жизнь, на периоды «до» и «после». «Это было ещё до Эльбруса... – через много-много лет будем мы говорить друг другу. – Нет-нет, дорогой, это было позже, значительно позже...» И дело даже не в каких-то там незабываемых пейзажных красотах. И тем более

не в восторженных похлопываниях по плечу или в уважительном покачивании головой наших друзей и знакомых. Просто мы прошли испытание горой. Мы сделали свои Сорок тысяч шагов к небу. Эльбрус проверил нас на прочность, и мы выдержали эту проверку. Очередную проверку сил на длинном жизненном пути.

И ещё одну мысль заставил нас осознать Эльбрус. Мысль, с одной стороны, простую и даже где-то банальную, а с другой – мысль философскую, поскольку она применима не только к горным походам, но и – в полной мере – ко всей нашей жизни.

Мысль эта такова: не важно, насколько быстро ты идёшь, главное – как высоко ты сможешь подняться.

**Терскол – Эльбрус – Андреаполь
2020 г.**

Владимир Валентинович ЮРИНОВ

родился 12 мая 1963 года.

В прошлом – лётчик-истребитель.

Ныне – тренер по фехтованию в детской спортивной школе.

Писатель, поэт, бард.

Член Союза писателей России.

Автор нескольких книг поэзии и прозы.

